

Иногда на то, чтобы погрузиться в прекрасный сон, уходят десятки лет, а чтобы проснуться, хватает одного мгновения.

Днем Виэн еще предавался утехам с престарелым герцогом в гостевой спальне, мечтая взлететь на ветку и превратиться в феникса, а уже вечером стал главным подозреваемым в отравлении старика, и его прижали к полу в парадном зале.

Глядя на затейливые шелковые юбки и начищенные до блеска туфли окружавших его аристократов, глядя на их презрительные, насмешливые лица и прислушиваясь к злomu шепотку, он вспоминал, как все эти люди прежде жаждали его внимания, а теперь шарахались от него, как от какой-то мерзости.

— Н-н-не-нет... — у Виэна и в обычное время было сильное заикание, а теперь от паники он и вовсе не мог вымолвить ни слова. Из-за насмешек толпы его лицо залилось краской, в растерянности и беспомощности он чувствовал в голове лишь абсолютную пустоту, словно какой-то нелепый шут.

Он никогда не отличался умом — так отзывался о нем Ансель, его первый хозяин. Прежде Виэн считал того излишне резким, но правда оказалась именно таковой. Он был глуп, жаден, заикался, и единственным, что он мог предложить миру, были его красота, его тело и его пение. Да, когда он пел, язык его не заплетался.

Пользуясь всем этим, приправив все толикой жестокости и решимости, он карабкался по головам своих хозяев, проделав путь от низшего слуги до известного в высшем свете любовника.

Но теперь все было кончено. Он даже не мог заступиться за себя.

Его растерянный взгляд скользил по собравшимся перед ним аристократам: добрая половина из них, будь то мужчины или женщины, флиртвала с ним в прошлом, а теперь все они пришли поглазеть на его падение. Лишь вдаль, облаченный в белый парадный костюм, стоял юноша и с бледным лицом и печалью в глазах смотрел на него.

Виэн думал, что давно забыл это лицо, но нет. По пьяни, в полусне-полуявь, он все так же вспоминал это миловидное, самое обычное лицо с нежными янтарными глазами.

Все это время Ансель приходил каждые два дня, терпеливо рассказывая ему о ходе расследования и о том, что говорят на улице. Виэн изо всех сил старался вникнуть, но от чрезмерного ужаса ничего не понимал. В памяти откладывалось лишь одно: уходя, Ансель неизменно брался за ручку двери и тихо говорил ему: — Держись, все наладится.

Заметив отрешенный взгляд Виэна, Ансель опустил глаза, его губы шевельнулись, но, в конце концов, он все же повернулся и тихо произнес: — Держись, все наладится.

В сердце Виэна образовалась пустота, он растерянно смотрел на него.

Виэн еще не успел доесть обед, как в животе внезапно завязался тугой узел боли, а затем из носа, уголков рта, ушей и глаз непрерывным потоком хлынула кровь.

К тому же он прекрасно понимал, как легко в этом обществе предать смерти простого слугу. И если он все еще цеплялся за жизнь, то лишь потому, что Ансель хлопотал и бегал за него повсюду.

Виэн опустился на колени перед ним, безумно взмахивая руками и целуя полы его штанов.

Его первый хозяин, Ансель. Первая ступенька на его пути в высший свет. Он соблазнил его, а затем бросил, растоптав его репутацию и чувства, превратив его в посмешище.

Люди вокруг расступались, словно сторонясь скверны, и лишь Ансель с неизменно спокойным и печальным выражением лица неподвижно стоял на краю толпы.

Мягким голосом он разбирал и раскладывал по полочкам все замеченные им нестыковки, сохраняя безупречную и непредвзятую позицию. Стоя на коленях у его ног, Виэн слушал его завороченно, словно вернувшись в летнюю ночь многолетней давности, когда Ансель раскрывал томик стихов и заунывно читал ему вслух непонятные строки.

Да он и в самом деле был тем самым добропорядочным чудаком, который ради справедливости готов был пойти наперекор всему дворянству.

Это была их последняя встреча.

Ансель был честным джентльменом, поэтому Виэн верил ему.

Его ужин был отравлен.

Ансель не умел лгать.

Кто-то хотел избавиться от него чужими руками и заставить взять на себя чужую вину.

Лицо Анселя бледнело день ото дня, кашель становился все сильнее. Непрекращающаяся тяжелая работа подорвала его здоровье, и все вокруг только и говорили, что он так старается лишь потому, что все еще не остыл к своему бывшему любовнику.

— Ты должен понимать, я делаю все это не ради тебя. Я тебе ничего не должен, Виэн, — голос Анселя звучал ровно, а янтарные глаза смотрели прямо и открыто. — Каждому, кого

несправедливо оклеветали и кто просит меня о помощи, я буду стараться помочь. Ради справедливости. Прошу, не надумывай лишнего: для меня ты давно перестал быть кем-то особенным.

Однако это не помогло. Дело было связано с герцогом, и Визна все равно бросили за решетку, где он провел больше десяти дней.

Но стоило Визну с благодарностью поцеловать его пальцы, как Ансель отдернул руку, словно обожженный.

Позади послышался топот — подросла стража. Ансель, бледный как полотно, сделал шаг вперед, заслоняя собой дрожащего Визна. В его мягком голосе отчетливо слышалась твердость: — Я считаю, в этом деле еще остались темные пятна, его нужно расследовать тщательнее.

Неизвестно откуда в Визне взялись силы — он яростно вырвался из рук стражи и бросился к Анселю.

Опомнившись, Визн сунул пальцы в рот, пытаясь изрыгнуть яд. Но отравка действовала слишком быстро: хватило пары движений, чтобы тело полностью потеряло силы, и он рухнул на землю.

Как же обидно.

Ансель ведь говорил, что все наладится, но он умирал прямо сейчас.

Визн выплевывал изо рта полные рты алой крови и плакал.

Кто-нибудь, спасите меня!

Ансель, спаси меня!

Всю жизнь он только и делал, что плел интриги, и вот в конце концов единственным человеком, к которому он воззвал о помощи, оказался Ансель — тот самый, кого он ранил сильнее всех. Какая ирония.

Он тщетно скрежетал ногтями по полу, пытаясь бороться с бушующей внутри болью.

Его затуманенный роскошью и сладострастием мозг на мгновение прояснился. Он вдруг понял, кто был истинным убийцей герцога. Заказчик стоял за такой чудовищной фигурой, о которой Визн даже помыслить боялся.

В самый последний миг своей жизни он вдруг осознал: если он умрет, характер Анселя заставит его копать до конца, что ввергнет его в смертельную опасность и едва ли не погубит.

Даже умирая, я продолжаю тянуть его за собой... — Виэн в мучениях задрожал. — Прости, прости меня, Ансель...

Если бы все можно было начать сначала...

Виэн, казалось, резко вынырнул из кошмарного сна. Тряпка, которой он протирал тарелку, выскользнула из рук, тарелка со звоном рухнула на пол и раскололась надвое.

Этот резкий звук пробил пелену сна, и окружающий шума прибор ворвался в его уши.

Какая же это была одновременно знакомая и чужая кухня! Отовсюду поднимался пар, перед глазами белел фарфор и кипело раскаленное масло, а нос щекотал едкий дым и тяжелые ароматы стряпни.

Из-за спины донесся зычный голос стряпухи: — Виви! Ты что, работать расхотел?! Предупреждаю: сегодня важный день, смотри у меня, оплошаешь — шкуру спушу!

Виэн обернулся: дородная фигура тетушки Лайру стремительно и грозно надвигалась на него, обходя стоявшие на полу тазы для мытья посуды.

— Леле... то есть тетушка Лайру, вы же ушли нянчиться с ребенком? — голова Виэна все еще работала со скрипом. В его памяти тетушка Лайру была изгнана из поместья за незапланированную беременность и сокрытие бастарда; в ту снежную ночь эта вспыльчивая женщина долго рыдала на коленях у ворот поместья.

Тогда он прижимался к Анселю у окна его спальни и молча наблюдал за этим, а растроганный Ансель тяжело вздохнул: — Разве в этом виновата одна лишь женщина? — Он тайком сунул Виэну кошелек, чтобы тот помог обустроить жизнь Лайру с ребенком.

Спустя много лет они случайно столкнулись на каком-то приеме. Ансель крепко сжимал в руке трость, не произнося ни слов тоски, ни слов обиды, лишь тихо обронил: — Неделью назад в порту Бэли я встретил тетушку Лайру с ребенком, они живут хорошо. — А Виэн лишь высокомерно кивнул, полностью забыв о том, как тетушка Лайру когда-то относилась к нему как к родному сыну, и о том, как уверял Анселя, будто безумно тоскует по ней и переживает.

Теперь же все воспоминания нахлынули одновременно. Чуть не расплакавшись, он сделал пару шагов вперед и крепко обнял тетушку Лайру.

Тетушка Лайру, чувствуя себя не в своей тарелке, попыталась отбиться: — Какой еще ребенок! Понятия не имею! — но тут же замерла в объятиях, чувствуя себя крайне неудобно. — Ты что,

рехнулся, мальчишка! Чего творишь?!

— Я так скучал... — Виэн шмыгнул носом, его голос сорвался на спазм. В прошлой жизни, помимо Ансея, лучше всех к нему относилась именно тетушка Лайру, но он растоптал всю ее доброту и вел себя хуже последней свиньи.

— Ладно-ладно! Стоит на минуту оставить тебя без присмотра, как начинаешь дурить, — голос тетушки Лайру помягчел, и она от души хлопнула его по спине. — Живо за работу! Сегодня молодой господин возвращается из-за границы. Увидел бы кто, как ты тут ревешь, — к несчастью!

Виэн опешил. Молодой господин? Из-за границы? Ансель? Он резко поднял руки: на них еще не было того страшного шрама, оставленного железным обломком, когда он защищал упавшего с лошади Ансея — именно из-за того случая благородный Ансель обратил свое сердце на низшего слугу.

Он что, вернулся на десяток с лишним лет назад, в те дни, когда Ансель только-только окончил учебу и вернулся домой? Виэн не верил в бога, но ему отчаянно захотелось опуститься на колени и возблагодарить эту призрачную силу. Это означало, что ничего еще не произошло: тетушку Лайру не уволили, поместье не разорилось, он еще не соблазнил Ансея и тем более не предал его.

В этот момент дверь кухни распахнулась, и Карло зычно завопил: — Шевелитесь! Молодой господин Ансель уже у ворот поместья!

Сердце Виэна бешено заколотилось. Забыв обо всем на свете, он оттолкнул стоявших на пути людей и бросился к выходу.

Помчался к воротам поместья словно безумный.

Как же он хотел его увидеть. Как же он хотел увидеть Ансея.

Хотя он уже дал себе слово больше не лезть в его жизнь, но увидеть его хотелось до боли в груди.

Увидеть двадцатилетнего, полного сил Ансея, увидеть Ансея еще до того, как тот заболел — умного, нежного, элегантного, гордого и презирающего саму любовь.

Его сердце когда-то тоже билось ради Ансея так искренне, как сейчас.

Издалека уже виднелась выпрямленная фигура на коне, которого вел под уздцы дворецкий. Длинные золотистые волосы были собраны на затылке синей лентой, а темно-синий длинный плащ легко развевался на ветру.

Визн замедлил шаг. Добравшись до места, он вдруг испугался. Прижавшись спиной к стволу большого дерева, он безучастно смотрел на происходящее, пока ноги не подогнулись и он медленно не осел на землю.

Ансель сидел в седле, прислушиваясь к тому, как дворецкий в подробностях докладывает обо всем, что произошло в доме за последние три года, как вдруг почувствовал на себе чей-то тяжелый, прикованный к нему взгляд.

Остро почувствовав неладное, он обернулся и встретился глазами с черноволосым юношей, прятавшимся за стволом раскидистого дерева. Юноша обладал поразительной, ослепительной красотой, его лицо было мокрым от слез, будто омытым дождем; стоя на коленях, он тянул к нему руки, но не смел приблизиться. В тот самый миг, когда их взгляды сошлись, на лице юноши расцвела залитая слезами улыбка — до того прекрасная, что от нее разрывалось сердце.

В ту секунду Анселю даже показалось, будто этот юноша смотрит сквозь него на самую вечность, на хрупкую луну, отраженную в воде, на призрачные цветы в зеркале.

Его сердце пропустило удар.

В этот момент прогремел праздничный салют, и Ансель отвернулся. В небе рассыпались разноцветные ленты, поднимался дым, а выстроившиеся у парадного входа слуги и служанки сияли улыбками.

Он на миг замер, а когда снова повернулся к дереву, за ним уже никого не было — словно только что увиденный юноша оказался прекрасным видением.

<http://bllate.org/book/24921/2948971>